

Сергей Лохтхофен

Черный лед:

Жизнь моего отца, изложенная в форме романа

Казак приподнялся на стременах и ударил пикой по воротам. От мощного удара ворота распахнулись, освободив проход для обоих всадников. Лошадь первого заартачилась, пришлось загонять ее во двор нагайкой. Пока один всадник успокаивал упрямое животное, другой взмахом руки подозвал к себе батраков, которые ждали на улице, столпившись вокруг грязной тачки. Батраки потащили ведра, полные извести, мимо дома и его обитателей – в сад, к навозной яме. Они высыпали в яму желтовато-белые комья и поспешно убрались восвояси.

Павел смотрел вслед всадникам, чьи силуэты отчетливо вырисовывались на фоне вечернего неба, выгнувшегося над степью. Вымпелы на концах пик развевались под ветром... 1892-й был годом большой эпидемии холеры в Юзовке. Предполагалось, что известь, доставляемая казаками, не даст эпидемии распространиться из этого центра угледобычи дальше по Дону.

Это старейшее воспоминание нашей семьи, которое я знаю. Со своим дедушкой, Павлом Александровичем Алферовым, я как-то вечером, в Крыму, выпил чайник чаю, и тем временем мы с ним пытались отыскать самые ранние из сохранившихся в его памяти картин детства. Мы копались в историях из его жизни; и от рождения – еще в царской России, в 1890 году, – постепенно перешли к Ленину и Троцкому, с которыми он, как революционный комиссар, встречался в бурные годы гражданской войны. Говорили мы и о Сталине, отправившем дедушку в лагеря более чем на тридцать лет. События дедушкиной жизни – часть воспоминаний нашей семьи, история которой на протяжении трех поколений тесно переплеталась с историей Германии и России.

Помимо жизни деда на нас, его внуков, оказали определяющее влияние главным образом рассказы отца, Лоренца Лохтхофена. О нем в основном и пойдет речь дальше. Повествование о его жизни ни в коей мере не претендует на то, что может служить *обобщением* бесчисленных судеб других людей, пострадавших от свирепых идеологий двадцатого столетия. Скорее это *индивидуальный пример* настроений, характерных для многих современников моего отца, чья жизнь прошла между всякими ужасами и попытками этих ужасов избежать, в эпоху, которая сегодня кажется нам невероятно далекой.

Лоренц Лохтхофен в начале тридцатых годов, после столкновения со штурмовиками, бежал из Рурской области в Москву. Он был арестован по распоряжению НКВД (печально известного предшественника КГБ) и после многих лет, проведенных в лагерях русской Арктики, вернулся – как один из немногих выживших узников ГУЛАГА – в социалистическую часть Германии. В ГДР времен холодной войны на него, хоть он и добился определенных успехов в качестве хозяйственника, на протяжении всей его жизни смотрели как на человека «из бывших». К нему относились с подозрением, потому что он сумел выжить в исправительно-трудовом лагере, организованном «своим», братским государством. Кое-кому отец казался подозрительным даже и после смерти...

Не доверяя временам, когда всего лишь за «собираение слухов» человек мог попасть за решетку, я записывал свои разговоры с отцом и дедом на обрывках оберточной бумаги и прятал эти тексты в стопке номеров литературного журнала «Новый мир». Надеюсь, что сотрудники штази не станут рыться в «русских тетрадах»... Десятилетия спустя эти записи помогли мне реконструировать давние события и разговоры, а проведя некоторые дополнительные изыскания, я сумел восполнить недостающее.

Эта книга, хотя она очень многим обязана историческим фактам, в каждой строке живет прежде всего за счет таланта моего отца: таланта замечательного рассказчика. Этот талант, наряду с обыкновенным везением, в годы *предельного невезения* – лагерной одиссеи – сыграл для отца по меньшей мере столь же важную роль, что и способность собственными руками облегчать себе выживание в нечеловеческих условиях.

Рассказы отца и деда в книге дополнены моими воспоминаниями о детстве в Воркуте. Я знаю, как завывает снежная буря вокруг ограды лагеря, и все еще помню, как, когда приходила короткая весна, трещал тающий лед.

При написании книги я мог опираться не только на свое знание *мест*, где разворачивается действие, но и на свидетельства некоторых *действующих лиц*, знакомых мне с детства. Друзья отца, которые долго отказывались разговаривать со мной на тему «строительства социализма в Арктике», через несколько десятков лет, в Бад-Либенштайне, все-таки нашли слова для описания своих давних переживаний. В этом маленьком курортном местечке, посреди Тюрингского Леса, отец, в то время уже тяжело больной, провел последние годы жизни, и там его постоянно навещали старые знакомые: те, кто живым вернулся «оттуда».

«Черный лед» – это память о грандиозном эксперименте, который начался в 1917 году и семьдесят лет спустя закончился полным крахом. Это одна из историй, каких много было в двадцатом столетии, наполненном переменами и надеждой, но также произволом, жестокостью и кровью. Это, наконец, история моей семьи.

1937

Они бегали и смеялись, и крупные, теплые капли дождя шлепались им на лица.

Малышку он завернул в свой пиджак и прижал к груди, а Лотта и Лена, пританцовывая, прыгали по лужам. У них за спиной, высоко над кронами деревьев, что-то шумело и громыхало в громоздящихся тучах, подсвеченных солнцем, которое ясно давало понять, что долго терпеть такое безобразие не будет. Пахло недавно подстриженными кустами самшита, бузиной и жасмином. Время, казалось, остановилось. В особенно красивый момент... Но свет мало-помалу потускнел, раскаты грома набрали силу и звучали теперь как-то странно. Внезапно они подступили так близко, будто кто-то, прямо в его голове, стучал палкой по жестяному ведру.

Бомм. Бомм. Бомм.

Лоренц проснулся. Непрочная фанерная дверь, казалось, вот-вот разлетится в щепы.

Бомм. Бомм. Бомм.

То, первое, было только сном. А это, *другое*, – действительностью. Он откинул ватное одеяло, соскочил с кровати, в темноте натянул брюки. Кто-то, снова и снова, колотил в дверь.

Они уже здесь.

Уже здесь.

И заберут тебя.

Ничего другого он думать не мог. Он попытался отогнать эту мысль. Дескать, чепуха. Такому, как ты, они ничего не сделают, не посмеют... Но в глубине души он знал: они тебя заберут.

Сперва они отняли у него, Лоренца, работу.

Потом выгнали из партии.

А теперь заявили сюда.

Теперь они его заберут.

Он осторожно сдвинул оконную занавеску. Улица лежала внизу, глубоко погруженная в черноту ночи. Только две горящие фары автомобиля вырезали из тьмы узкие светлые полоски. Очертания кузова за водительской кабиной не оставляли сомнений: это «черный ворон». Так в России издавна называлась машина с зарешеченными окнами, на которой увозили арестантов. Так было во времена «охранки», царской тайной полиции, так же осталось и при сталинском НКВД. Где бы ни появлялась эта машина Народного комиссариата внутренних дел, она распространяла ужас. По ночам разезжали «вороны», днем – фургоны с безобидной надписью «Хлеб» или «Мясо». Хотя в городе давно не было такого количества мяса, чтобы развезить его фургонами. Вместо «хлеба» или «мяса» в такой

фургон без окошек загружали людей.

Тяжесть уже выветрилась из головы. Накануне вечером он, в нарушение собственных привычек, пил слишком много и, главное, без разбору. Водку. Портвейн. Шампанское. И, как будто мало такой адской смеси, – несколько рюмок самогона. Ведь человеку не каждый день исполняется тридцать... На мгновение он снова увидел себя, Лотту и Фридриха стоящими в дверях крошечной комнаты. Последние гости ушли, когда было далеко за полночь. Их громкий смех еще долго доносился через открытые окна – с улицы, обрамленной мирными палисадниками. Праздник в маленьком доме Лотты удался на славу. Дети не помешали гостям: обе девочки, Лена и Лариса, спокойно спали. Четырехлетняя Лена, своенравная и не по годам развитая, и Лариса, которой только-только исполнилось полгода: беззащитный кулечек...

Они стояли в дверях и смущенно улыбались. Лотта, *обрамленная*, если можно так выразиться, бывшим возлюбленным и бывшим мужем. Уже одно это выглядело комично. А если сделать акцент на том, что и возлюбленный, и муж были «бывшими», то тут вообще открывается поле для самых разных интерпретаций. И, что важнее, для ужасных семейных сцен... Лотту он, Лоренц, все еще любит. Она умная, красивая, нежная, сильная... Он ли ради нее, или она ради него, или каждый из них по каким-то своим причинам приехал в город Энгельс? Теперь уже не вспомнить... Да и не все ли равно: пока они лежали рядом, обнявшись, им этого вполне хватало. Могло бы хватить и на целую жизнь; *его* любви, во всяком случае, хватило бы.

Однако оказалось, что всё не так просто. Была какая-то предшествующая жизнь, и в этой прошлой жизни решающую роль сыграл его друг Фридрих Вольф. Вольфа – известного писателя, автора пьес «Профессор Мамлок» и «Цианистый калий», – любила и жена Лоренца. *Раньше* любила: еще до того, как Лоренц на ней женился... Лотта и Фридрих знали друг друга по Штутгарту. Поначалу Лотта, в то время студентка, была только вожатой сыновей Фридриха, Маркуса и Конрада, потом стала другом семьи. Что Фридрих воспринял в самом буквальном смысле: Лотта вскоре забеременела от него.

Когда к власти пришли нацисты, Фридрих со своими близкими бежал через пол-Европы в Москву. Во время этого странствия, в Швейцарии, появилась на свет дочка Лотты и Фридриха. Лена. Лишения и перипетии бегства поначалу не оставляли места для ревности и семейных интриг. Позже, в Москве, ситуация обострилась: двухкомнатный гостиничный номер, где должны были как-то уживаться возлюбленная с ее дочерью, плюс супруга и общие с ней сыновья, плюс сам глава семейства... Необычный расклад для ханжеской Москвы тридцатых годов... Но приезжий писатель, чтобы вести политическую борьбу, нуждался во вдохновении, он не мог обойтись ни без Музы, ни без законной супруги. Это поняли даже советские товарищи.

А из Лотты получилась роскошная Муза. Фотография этой белокурой красавицы, так и брызжущей радостью жизни, в один прекрасный день украсила первую полосу газеты «Штурмовик». Стала символом немецкой женственности. Хотя Лотта к тому времени давно жила в Москве и успела родить ребенка еврею Вольфу... Но то, что сплетникам из затхлых коридоров гостиницы «Люкс», где поселилась верхушка политической эмиграции, представлялось как нечто забавное, в реальной жизни обернулось адом. И наступил момент, когда Лотта не выдержала. Ей захотелось вырваться, поступить в какой-нибудь университет... Но в Москве это казалось неосуществимым. Дело кончилось тем, что Лотта получила указание от самой супруги Ленина: отправиться в город Энгельс; там, в Республике немцев Поволжья, она сможет изучать педагогику или что-нибудь, связанное с искусством. Главное, чтобы Лотта исчезла из столицы... Надежде Крупской не нравились свободные нравы приехавших из Европы молодых людей...

Бегство Лотты из Москвы к берегам Волги не помогло распутать клубок сложных отношений. То обстоятельство, что Лена ребенок Фридриха, а у Ларисы другой отец, Лоренц, было далеко не самой трудной проблемой. Лоренцу, которому красивая молодая

женщина приглянулась еще в Москве, не пришлось долго разыскивать ее в Энгельсе. В театре, в университете – они встречались всюду и вскоре полюбили друг друга. Поженились они в один из будних дней, совершенно по-пролетарски – в обеденный перерыв, – и, когда родилась Лариса, решили купить себе маленький дом. Поскольку у Лотты еще оставался какой-то долларовый резерв, им вскоре удалось осуществить такую покупку.

Но после опьяняющего любовного лета начались столь же бурные ссоры. Фридрих полагал, что размолвки между молодоженами даже полезны, поскольку дают выход переливающейся через край страсти. Он часто писал об этом своим друзьям. Ему-то легко было рассуждать: после свадьбы ответственность за молодую женщину и ее дочь Лену перешла на Лоренца. Лотта же время от времени навещала в Москве Фридриха, после чего, просветленная, возвращалась в Энгельс, – что не способствовало укреплению доверительных отношений с мужем. Слушая ее, можно было, конечно, поверить, что *ничего такого* между нею и Фридрихом не произошло... Однако Лоренцу, хорошо знавшему Вольфа, доверчивость давалась с трудом.

Лоренц был настоящий романтик. Но не наивный простака. За стремительной свадьбой последовал столь же стремительный развод. В Советской России из-за таких формальностей шума не поднимали. Никто не задавал этим двоим вопросов, не требовал от них объяснений, им просто поставили в паспорта по печати и тем узаконили случившееся. Лоренц, хлопнув дверью, покинул общий дом и снял себе комнату – чтобы потом каждый день, как примерный супруг, спешить с цветами к своей семье. Если и не ради темпераментной Лотты, то уж точно ради синеглазой дочери...

Но все это было вчера. Или, по крайней мере, прежде чем он заснул.

Теперь кто-то, словно сумасшедший, колотил в дверь. С лестничной площадки доносились ругательства и шарканье тяжелых сапог. Лоренц повернул ключ, отодвинул железный засов. Дверь, которую пнули ногой, распахнулась.

– Какого черта... – пролаяли ему в лицо.

Перед ним стояли два красноармейца со знакомыми рубиновыми звездами на буденовках. Эти странные головные уборы оливкового цвета символизировали победу красных над белогвардейцами, а также немецкими и английскими союзниками белой армии. Солдаты, осатаневшие из-за долгого ожидания, держали винтовки наизготовку. Между ними стоял одетый в черное человек. Он тоже поднес руку к открытой пистолетной кобуре. Даже не будь на нем черной кожанки, сапогов и фуражки с красной звездой, Лоренц теперь легко догадался бы, о каком визите идет речь.

– Гражданин Лонгофен? – спросил человек в черном и, не дожидаясь ответа, отодвинул Лоренца в сторону.

«Bürger Lochthofen», – мысленно перевел Лоренц, совершенно автоматически. Уже одно это обращение показало ему, что он больше не является частью великого целого, что стал *изгоем*. Коллектив «товарищей», задающих жизненный ритм в стране, от него отвернулся. От словечка «гражданин» сразу повеяло холодом и равнодушием...

Человек в кожанке твердым шагом направился в его комнату. В коридоре царил тишина. Управдом, который, очевидно, и открыл дверь подъезда, предпочитал на глаза не показываться. Никто из соседей из своей двери не выглянул. Все они догадывались, что к чему. Понимали, что завтра эта комната будет свободной...

– Соберите вещи, вы пойдете с нами.

Сотрудник НКВД произнес эти слова раздраженно и вместе с тем как-то свысока. Каждое его движение ясно показывало, что происходящее – повседневная рутина. Он ничего не приказывал солдатам, и они, в свою очередь, не задавали вопросов. Один из солдат прикладом винтовки как бы *зادвинул* Лоренца подальше в комнату, другой закрыл дверь.

Лоренц спросил сдавленным голосом, какое обвинение ему предъявлено и может ли он взглянуть на приказ об аресте.

– Вы все узнаете в следственном отделе.

Энкэвэдэшник рванул дверь единственного в комнате шкафа, и на пол полетели рубашки, брюки, пиджаки... Лоренц молча смотрел. Ему подумалось, что в этот самый момент Лотта ждет его к завтраку, его и Фридриха. Но теперь, вероятно, они будут завтракать без него. Лотта и Вольф.

Лоренц вытащил из-под кровати чемодан, сложил в него белье и теплый свитер. Спросив, на какой срок ему надо запастись вещами, он получил сухой ответ:

– Берите только самое необходимое. Там, куда мы вас доставим, о вас позаботятся.

Теперь человек в кожанке принялся изучать книжную полку над кроватью. Лоренц примерно представлял себе, какие книги он ищет. И кое-что из этого списка действительно стояло на полке. Ленин, Маркс и Роза Люксембург очевидно не опасны. Но Каутский? Да еще на немецком языке? Может, он, Лоренц, как-нибудь и выкрутится. Ведь Ленин много полемизировал с «рenegатом» Каутским. Значит, можно сослаться на свой интерес к первоисточникам: объяснение, конечно, так себе, но уж какое ни есть... А вот насчет Зиновьева и Бухарина – двух избалованных «уклонистов», «левого» и «правого», – объяснять что-либо вообще бесполезно. Одного из них уже расстреляли после показательного процесса (хотя в свое время он активно поддерживал Сталина в борьбе против Троцкого); другой пока ждет, когда с ним случится то же. Тот, кто хранит у себя в доме книги этих двоих, заведомо не может быть надежным товарищем...

Энкэвэдэшник сбрасывал с полки одну книгу за другой. Но ни Бухарин, ни Зиновьев, похоже, его не заинтересовали. Лоренц не мог этого понять. На какой-то момент он даже забыл об опасности и завороченно наблюдал, как чужой человек оценивает его книги. Только одна тоненькая тетрадка осталась в руках у сотрудника тайной службы и была сочтена достаточно важной, чтобы конфисковать ее: речи и статьи И.В. Сталина, написанные в двадцатые годы.

Лоренц ошеломленно смотрел на энкэвэдэшника. Неужели теперь сам Сталин попал в индекс запрещенных книг? Тут что-то не сходится... Разве почитание Сталина не выплеснулось – уже давно – за все представимые рамки, не приняло религиозные формы? А теперь, значит, *вождь всех миролюбивых народов* причислен к запрещенным авторам? Вероятно, этот энкэвэдэшник рехнулся. Заподозрить Сталина? Быть такого не может! Прежде Лоренц тоже принадлежал к той некритичной массе, которая, когда заходила речь об ответственности за нынешние жестокости, готова была возложить вину на безымянных функционеров, но только не на Сталина, не на «отца родного». Теперь с этим покончено. И все же Лоренц не может объяснить себе поведение сотрудника НКВД...

Лишь гораздо позже он понял, почему именно эту невзрачную книжицу в сером картонном переплете непременно нужно было изъять из обращения. Книжечка происходила из того времени, когда Сталину пришлось публично покаяться. После открытой уничижительной критики, которой Ленин в письме, известном как «Завещание», подверг своего грузинского соратника, грубо злоупотребляющего властью, Сталин *покаялся, что исправится. И признал свои ошибки*, черным по белому. О таких вещах и речи быть не могло в Советском Союзе 1937 года...

Когда Лоренц оделся, охранники стали подталкивать его к выходу. Они, очевидно, хотели убраться отсюда, прежде чем первые жильцы пойдут на работу. Лишние свидетели, вопросы, внимание посторонних – ничего этого им не надо. Как только они вышли из подъезда, водитель черной машины запустил мотор. Но ни в одном окне не вспыхнул свет. В те времена любопытство могло привести к смерти. Соседи, и не глядя, прекрасно знали, что именно сейчас происходит.

Лоренц нерешительно повернулся к офицеру:

– Вы позволили мне спокойно отпраздновать день рождения и пришли только сегодня утром. Почему?

– Мы же не изверги!

Сотрудник НКВД ухмыльнулся, а солдат ткнул арестованного в спину, чтобы он наконец забрался в зарешеченный ящик. «Черный ворон», взвизгнув тормозами, тронулся с места.

1938

Лоренц *прибыл*. Он вошел в просторную камеру, где сидели десять или двенадцать арестантов, отнюдь не в тесноте. Уже одно это удивляло. Но по-настоящему его поразило то, что на столе посреди помещения лежат несколько белых батонов. Белый хлеб Лоренц не видел целую вечность. Открытая банка с топленным маслом и килограммовый кусок колбасы дополняли невероятную картину. От которой Лоренц не мог отвести глаза. Ко всему, казалось бы, он приготовился: к сырому подвалу, к десяткам людей, запертым в тесную камеру, к изолятору, к бесконечным допросам, побоям и пыткам. Но возможность досыта поесть – это не укладывалось ни в какие понятия. И такое изобилие почему-то оставляло людей в камере равнодушными...

Сокамерники не обращали на вновь прибывшего ни малейшего внимания. Некоторые лежали, одетые, на нарах. Еще одна странность. Лежать на нарах днем строжайше запрещено. За это грозят драконовские наказания. Всякому, кого днем застанут лежащим, сокращают паек. А ничего хуже и вообразить нельзя. Если учесть, что обед состоит из миски баланды (жиденького капустного или крупяного супа) и корки черного хлеба... Здесь же на столе лежали чудесные, немыслимые для советской тюрьмы яства, и никто к ним не притрагивался. Это надо себе представить!

– Эй, новенький! Клади свои шмотки вон на тот *диван*, – поприветствовал его наконец пожилой мужчина.

Мужчина сидел на табурете возле стола и походил на одного из меннонитов, которых Лоренц часто встречал во время поездок вдоль Волги. По религиозным соображениям меннониты уже несколько столетий назад покинули Германию и обрели на просторах России новую родину. Однако люди, не признающие над собой государственной власти и уклоняющиеся от воинской службы, никак не могли бы вписаться в нынешнюю эпоху. И потому меннониты либо бежали из Советского Союза, либо становились поселенцами в широко разветвленной империи ГУЛАГА.

ГУЛАГ – еще одно из тех новых ублюдочных слов, которые Лоренц терпеть не может; аббревиатура от «Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний». Слово это давно обрело самостоятельность, став синонимом смерти и террора.

– Там вчера освободилось место.

Старик заметил, что новенький недоверчиво рассматривает разложенные на столе сокровища.

– Можешь намазать себе бутерброд. Здесь всего хватает. А если мы захотим еще, они нам дадут. Так что бери, не стесняйся.

Лоренц задвинул свои вещи под нары, подсел к столу и намазал на большой ломоть белого хлеба слой масла толщиной с палец. Отправив в рот третий кусок хлеба, он перешел к колбасе. На воле такой сорт назывался «Докторская». Какое отношение колбаса имеет к «доктору», было не совсем понятно, и потому со временем ее переименовали в «собачью радость». Сейчас она почему-то напомнила Лоренцу, какая колбаса была дома, в Вестфалии. Ощущение голода, накопившееся за несколько недель, мало-помалу прошло.

Один из арестантов нервно прохаживался по помещению, следуя незримой линии. Двенадцать шагов вперед, двенадцать назад... Внезапно он остановился возле стола, какое-то время наблюдал, как Лоренц намазывает себе пятый или шестой бутерброд, дождался, пока тот выудит ложкой из банки очередной комок масла, и наконец с нарочитым дружелюбием спросил:

– Ну как, вкусно?

Лицо его перекопилось в гримасе, имитирующей улыбку.

– Кушай-кушай... – пробормотал арестант. – Кто знает, что будет там, наверху?

И демонстративно поднял глаза к потолку.

Лоренц, с набитым ртом, вдруг перестал жевать. Насторожили его не столько слова, сколько сам тон говорящего. Он ведь так и подумал: что-то здесь не сходится... Он вопросительно смотрел на щедедушного зэка, который, судя по выговору, был татарин, и не решался проглотить кусок.

Зэк между тем наклонился к Лоренцу и произнес гораздо тише, чуть ли не заговорщицки:

– За что тебя-то *на шлепку* отправили?

Лоренца будто ударило током.

– Чего зря болтаешь о *шлепке*! – одернул он любопытного. – Я пока приговора не получил. Расследование еще не закончено. И вообще, я ни в чем не виноват, все должно разъясниться...

Их громкий разговор привлек внимание остальных. Картежники прервали игру. Зэк, до сих пор апатично лежавший на нарах, приподнялся и бросил сердитый взгляд на сидящего за столом. Другой тоже поднялся и теперь заинтересованно, сверху вниз, смотрел на Лоренца.

– Он что, дурак или притворяется? – вмешался этот зэк в разговор. Голос был раздраженным. – Послушай, приятель! Все мы, сидящие в этой камере, приговорены к смертной казни. Это камера смертников. Другой здесь вообще нет.

Зэк подождал, пока его слова окажут должное воздействие, и прибавил:

– Ошибка исключена.

Лоренц в ужасе переводил взгляд с одного лица на другое. В какую игру здесь играют?

– Точно, ошибка исключена!

Сказавший это был одет в черную косоворотку с белыми пуговицами, темные галифе и добротные сапоги. От него будто исходил особый шик, свойственный партийным функционерам среднего звена. Улегшись после обеда спать, он не стянул сапоги. Однако страха, что у тебя что-то украдут, здесь, похоже, никто не испытывал. Мало того, что хлеб и масло открыто лежат на столе; личные вещи обитателей камеры тоже сложены на табуретках либо в ногах постели.

– Нет-нет, это какая-то ошибка! – упорствовал Лоренц.

– Невиноватые мы здесь все, – продолжил человек в косоворотке. – Или, скажем так, *почти все*.

Лоренц вскочил на ноги.

– Не верю!

Секунда – и он добрался до металлической двери, заколотил в нее кулаками. Грохот был слышен, наверное, даже в дальнем конце тюремного коридора.

– Парень, ты это лучше брось! – вновь заговорил татарин. – Охранники шума не любят, упекут тебя в карцер, и дело с концом. А ты-то что выиграешь, проведя последние дни в одиночестве, на сухом пайке? Или думаешь, что такое питание, как здесь, *за просто так* дают? Ты должен сидеть и не рыпаться, усек?

Лоренц внутренне оцепенел. Что теперь, принять все как есть? Отказаться от сопротивления? Смириться? Следуя примеру сокамерников? Но такое он вряд ли способен... Тем не менее, колотить в дверь он перестал.

– Вот и хорошо, – удовлетворенно кивнул татарин. – Давай теперь сядем за стол и поговорим.

– Что-то ты все-таки должен был учудить, – снова вмешался человек в черной рубашке. – Совсем без повода даже они не сажают.

Он помолчал, потом поднялся с нар и, взяв еще один табурет, тоже сел к столу.

– Я, к примеру, оказался здесь из-за *саботажа*. – Он сделал паузу, чтобы выделенное интонацией слово успело произвести впечатление на слушателей. – Все началось с того, что в наш колхоз прислали трактор. Об этом даже в газете писали: начинается, мол, новая эра в

земледелии. Больше не будет плохих урожаев... Мы командировали в город – для овладения профессией тракториста – одного из наших лучших бригадиров. Мишу. Ну, он и научился проделывать со своей машиной настоящие балетные па. Будто она балерина из Большого. Ей разве что белых чулочек не хватало...

Лоренц невольно усмехнулся. Он знал этих многотонных тракторных чудищ. На полях ему время от времени доводилось видеть одно из таких чудес советского инженерного искусства. Близкое родство с танком бросалось в глаза уже издали, да трактора и производились, как правило, на военных заводах. Какая уж тут грация и подвижность... Но, тем не менее, гигантские колхозные поля с помощью трактора действительно можно вспахать быстрее, чем силами тщедушных лошадей. Если, конечно, трактор не простаивает месяцами без дела из-за отсутствия запчастей...

– Однажды, – продолжал рассказывать этот человек, – у нас в сельсовете отмечался большой праздник. Если не ошибаюсь, кто-то тогда стал отцом... А вы понимаете, что в большом селе то и дело кто-то становится отцом. Иногда случалось, что я, председатель колхоза, целую неделю не мог приступить к работе. То свадьба, то именины, то опять кто-то умер... И ведь тут не отделаешься фразой «Так тому и быть». Нужно это достойно отметить. У старухи Анюты всегда найдется замечательный самогон, второй такой мастерицы его варить во всей округе не сыщешь. Он у нее чистый, как слеза. Не сравнить с тем мутным городским пойлом, от которого только ослепнешь. В каждой бутылке плавают красный перчик. Для глаз хорошо, а на вкус еще лучше...

Председатель колхоза был настолько воодушевлен искусством Анюты, что уклонился далеко в сторону от рассказа. Почувствовав наконец неловкость, он вернулся к истории с трактором, но все-таки вплел в нее последнюю фразу о преимуществах *первача* – первой части от общего выгона самогона.

– Ну так вот: мы все хорошо нагрузились. Вдруг Миша вскакивает на своего стального жеребца и с грохотом исчезает во тьме. Почему? Как это получилось? Никто не знает. По крайней мере, ссоры никакой не было... Но когда на следующий день, к полудню, Миша не вернулся, мы все встревожились. Может, он у Даши, говорили одни. Нет, возражали другие. К ней он навещается только после получки. А сейчас середина месяца, у него ни копейки нет, для любви – уж во всяком случае. Может, он подался в город, предполагали третьи. Но, не имея поручения от колхоза, что бы он там стал делать, в самую пору жатвы? А есть ли у него поручение или нет – кому же это знать, как не мне, председателю колхоза?.. *Не было у него никакого поручения.*

По всему выходило, что и тракторист, и трактор должны быть где-то поблизости. Хорошо хоть, что тракторные гусеницы оставляют следы, не заметить которые невозможно! В общем, мы отправились на поиски Миши. Этот козел в своей белой горячке, как мы поняли, не шел ни на какие компромиссы. След учиненных им опустошений тянулся через изгороди и огороды в поля. У старого Митрохи он чуть не врезался в дом – во всяком случае, сравнял с землей дощатый сортир. Сам Митроха, к счастью, там в тот момент не сидел. Увидев нас, он и его старуха разразились потоком жалоб, а трактористу пожелали, чтобы его чума забрала...

Все же история со сломанным сортирным домиком была не столь уж трагична. Поскольку сортир это всего лишь частная собственность. А вот то, что Миша своими гусеницами проехался по полю с уже созревшим зерном, то есть по народной собственности, – гораздо серьезнее. Дальше маршрут его пролегал через луга, к реке. Счастье, что коровы не очень любопытствовали и не совали морды куда не надо... Но когда мы проходили мимо этих коров, они еще не успели очухаться от изумления.

Дальше следы, по дуге, сворачивали к лесочку и болоту. Тут уже некоторым из нас стало не по себе. Ведь если Миша разбил трактор, налетев на одну из старых сосен, то последствия будут такими, что мало ему не покажется... Но Миша, наверное, почти ничего не видел в ночной тьме. Поэтому он, если из-за своего опьянения вообще не утратил способность справляться с рулем, постарался проехать *мимо* этих деревьев – и оказался в ложбине, где начинается болото. Это страшное место. На километры, до самой реки, – вонючая жижа.

Только немногие пастухи отваживаются забредать туда. И именно туда тянулись две жирные линии – следы тракторных гусениц.

Похмельная головная боль, мучившая меня все утро, мгновенно выветрилась. Последние несколько сотен метров, еще отделявшие нас от болота, наша поисковая команда преодолела бегом. Мы остановились, лишь когда болотная жижа захлюпала в наших сапогах. Ни Миши, ни, что еще хуже, трактора видно не было. Мы стояли и глазели на болото, как дураки. Потом одному парню показалось, что в сорока или пятидесяти метрах от нас, среди болота, он распознал зацепившуюся за сухую ветку куртку тракториста. Добраться до этой куртки мы не смогли, даже с помощью длинных жердей. А от трактора не осталось и следа, кроме разве что радужных разводов на поверхности болота. Видно, бак слегка подтекал...

Остальное вы сами можете представить. Неделю или две мне удавалось скрывать случившееся. Потом меня забрали: за саботаж, то есть небрежное отношение к народной собственности. Поскольку за трактор отвечает председатель колхоза.

Все молчали.

– Что за такое дали высшую меру... Мне, конечно, не повезло. Может, у них был недовыполнен план по расстрелам.

Бывший председатель поднялся из-за стола и вернулся на свои нары.

– Но тут уже ничего не изменишь...

Воцарилось долгое молчание. В голове Лоренца прокручивалась одна и та же фраза:

Смертная казнь! Смертная казнь! Смертная казнь!..

– Ну как? – прервал паузу татарин. – Вспомнил? Что-то ты ведь наверняка учинил? Меня, к примеру, застучали на вокзале, с двумя мешками сахара. Мешки не из магазина. Я и еще два дружка позаимствовали их на складе. Дружки потом вовремя дали деру, а я не успел. Теперь я тоже числюсь в саботажниках. А что с ними делают, всем известно.

Лоренц с шумом втянул в себя воздух, потом медленно выдохнул. То, что он здесь услышал, – достаточно банальные истории. Неужели можно расстреливать людей из-за несчастья с трактором, которое произошло даже не по вине обвиняемого, или из-за двух украденных мешков сахара? Судя по всему, можно...

– Откуда ты вообще родом? – не отставал татарин. – И где тебя арестовали?

Прошло какое-то время, прежде чем Лоренц сообразил, что ответить. Он думал: имеет ли смысл проявлять откровенность, или лучше напустить побольше туману? Кто знает, нет ли у кого из сокамерников особого задания... Рассказ его, в результате таких размышлений, получился коротким.

Председатель колхоза потер щетинистый подбородок.

– Да, не густо... Просто *они* не любят, когда кто-то не держит нос по ветру. Или, может, ты где-то перегнул палку...

Но когда Лоренц прибавил, что он немец, причем не из поволжских немцев, а приехал сюда из самого рейха, татарин аж присвистнул:

– Теперь всё понятно: поставить такого к стенке, для них это особый пшик!

На свое возражение – что он, мол, *коминтерновский кадр*, – Лоренц получил сухой ответ:

– Кадр ты или нет, а для них все немцы это фашисты. На твои московские связи им плевать... Да и к родившимся здесь у нас Шмидтам и Кохам, или как их еще зовут, относятся немногим лучше. Их всех считают шпионами.

Меннонита этот разговор, похоже, не интересовал. Наверняка именно благодаря своей вере он – даже в такой обстановке – казался спокойным, умиротворенным.

– Да ты кушай, кушай...

Он так заботился о Лоренце, будто впереди у них еще целая жизнь.

– Знаешь, если тебе для ощущения комфорта мало этого хлеба с маслом, ты можешь попросить охранников, чтобы они отвели тебя к зубному врачу, – вмешался в разговор второй из игроков в карты. – Права на адвокатскую защиту у тебя нет, но сходить к зубному врачу – это пожалуйста. *Они ведь не изверги*. И потом, это будет некрасиво: если советский гражданин явится на тот свет не только с продырявленной шкурой, но и с дырками в зубах.

Он засмеялся, радуясь собственной шутке.

– Правда, я тебе не советую. У здешнего зубодера дурная слава. Он, будто бы, по совместительству еще и палач.

Это случилось поздним вечером в понедельник. Календаря у нас не было, но смена охранников всегда совпадала с началом новой недели. Картежники в последний раз выложили на табурет карточную колоду. Скоро должны были потушить свет... И тут внезапно раздались шаги в коридоре. Сначала тихо, потом громче. Несколько пар сапог, с металлическими набойками на каблуках. *Цок, цок, цок*, – цокали железки по каменному полу подвала.

Дверь распахнулась. Охранник достал список, откашлялся и окинул взглядом нашу камеру.

– Кто тут на букву «Л»?

Лоренц поднялся с нар, но не мог выговорить ни слова.

Охранник повторил:

– Буква «Л».

Тут Лоренц услышал, как за его спиной кто-то прошептал:

– Лебедев...

В камере было только два человека, чья фамилия начиналась на «Л». Один из них Лебедев, другой Лохтхофен. Лебедев – простой деревенский парень, который во время всеобщей драки будто бы убил милиционера. Действительно ли это сделал именно он, непонятно. Но, как бы то ни было, ему пришили статью за «бандитизм» и вынесли смертный приговор.

– Нет.

Теперь наступил черед Лоренца.

– Лохтхофен, – услышал он собственный безучастный голос.

– Да.

Значит, это конец? Механически он спросил:

– С вещами?

– С вещами.

1939

Река стонала, будто зима втиснула ее в слишком тесный ледовый панцирь. И наконец она, река, сумела освободиться. Как змеи сбрасывают кожу, так и она сбросила ледяную корку.

Над первыми участками открытой воды поднимался пар. Повсюду что-то хрустело и трещало. Все новые трещины раскалывали лед. Толстые льдины громоздились одна на другую и с грохотом разламывались из-за собственной спеси. Через каждые несколько метров ледяная каша застопоривалась, собиралась с силами, а потом снова начинала прокладывать себе путь вниз по течению.

Весна в тундре – не нежная девушка, а расшумевшаяся скандалистка. Ведь ей, имеющей дело со снежными и ледовыми массами, и невозможно вести себя иначе: с работой, которая в других местах занимает недели и месяцы, она должна справиться за считанные дни.

Песок на берегу был еще слегка примороженным, скрипел под сапогами. Какое чудное ощущение – после долгой холодной зимы наконец глубоко дышать, не опасаясь, что ты с первым же глотком воздуха схлопочешь воспаление легких и вместе с ним смерть... Лоренц любил ходить по этой дороге, от мастерской к причалу: прочь от ограждения из колючей проволоки, через природный ландшафт, еще не испорченный людьми. Можно было даже выбрать такой путь, чтобы совсем не видеть охранных вышек. Хотя он знал, что вышки

никуда не делись. И все-таки...

Этапники, один за другим, спотыкаясь, проходили мимо него. По лицам многих было заметно, что они не переживут ближайших холодов. Долгий путь на север, лишения этапной жизни, голод, постоянный страх, что тебя, обессиленного, бросят на дороге, прикончив выстрелом в затылок: все это стоило им слишком многих сил. Морозу будет нетрудно с ними справиться...

– Хофер! Ты, сволочь!

Слова вырвались у Лоренца, прежде чем он успел осознать, что, собственно, произошло. Вот оно, значит, как. Чутье его не обмануло.

Лоренц вытащил этого доходягу из общего ряда, ухватив левой рукой за шиворот. А пальцы правой сомкнулись вокруг рукоятки молотка. Казалось, доходяга сейчас полетит – так легко, не сопротивляясь, колыхался он в руке у механика.

«Прибить его на месте?! Сейчас прибью!»

«Хофер, гад, мерзкая свинья!» Несмотря на жалкий вид доходяги, Лоренц не сомневался, что перед ним Хофер. Один из тех двоих, которым он обязан своим пребыванием здесь, кто его сюда *отправил*. Сюда, в этот жуткий лагерь – хотя они ничего, совсем ничего не могли ему предъявить. Так разве не справедливо, что теперь и Хоферу отплатили той же монетой? Правда, что плохого с ним еще может произойти? Пятилетний срок превратится в десятилетний? Ну и? Такую перспективу он в любом случае должен был принимать в расчет. А что его зашлют куда-нибудь, где еще хуже, чем здесь, – такого уже не случится. Он *уже* достиг крайней оконечности нашего мира. И мир этот, как он вскоре сам поймет, не круглый, а плоский. У этого мира есть край, с которого каждый день ты можешь сорваться в смерть...

Глаза Хофера чуть не вылезли из орбит. Он с отчаяньем смотрел на Лоренца, убежденный, что ему теперь пришел каюк.

– Вдохни побольше воздуха, Хофер, и помолись, если можешь...

Он подождал какое-то время, после чего медленно поднял молоток.

Хофер смотрел на Лоренца, смотрел на молоток, бросил взгляд и на лодку посреди реки, но не проронил ни звука.

– Сейчас я тебя прикончу, как ты прикончил сотни невинных людей. Как вы убили мою Ларису...

Однако Лоренц чувствовал, как с каждым произнесенным проклятьем, с каждой новой угрозой гнев в нем угасает. Ему было ясно, что он может выкрикнуть в вечерний воздух еще больше слов, еще более ужасных, но потом все равно придется действовать...

Вновь и вновь долгими ночами придумывал Лоренц месть для этого подонка. Мысленно он заставлял Шроткина и Хофера умирать много раз, и всякий раз это происходило не без его участия. Но теперь, когда он мог простым движением руки, сжимающей молоток, осуществить задуманное, он больше ничего не чувствовал. Даже ненависти.

– Механик, в чем дело?!

Начальник охраны, чья задача заключалась в том, чтобы принимать зэков, доставленных с другого берега, услышав шум, перестал греться у костра и подошел к ним.

– Ничего особенного. Это мой бывший следователь. Он-то меня сюда и отправил.

– Вот оно что! Ну так убей его, будет одним сукиным сыном меньше.

Офицер, казалось, успокоился, услышав убедительное объяснение. И вернулся к лагерному костру. Другие, возле причала, тоже больше не обращали внимания на странную сцену. Даже охранники не верили, что среди следователей можно встретить порядочного человека. Многие из этих деревенских парней (а «вохра» – войска внутренней охраны – набиралась, как правило, из крестьян) сами имели отца или брата, отбывающего срок в тюрьме или в лагере. И что кто-то, в чьих руках случайно оказался бывший палач, хочет свести с ним счеты, их нисколько не удивляло.

Око за око. Зуб за зуб.

– Нашему механику опять повезло. Это ведь надо – просто проходить мимо и поймать такую добычу! – сказал один из слесарей.

– Эй, лошадка, поторапливайся, иначе нам придется везти еще и труп! – Повозка с нагруженным на нее генератором, поскрипывая, проехала мимо.

Хофер, из-за овладевшего им ужаса, мало-помалу утратил контроль над собой. Его нижняя челюсть обрела самостоятельность. Она отвисла, выставив на обозрение множество стальных коронок. Похоже, преступники особенно склонны к тому, чтобы оснащать свою пасть металлом...

– Ну ладно, Хофер...

Лоренц театральным мановением руки отпустил свою жертву, вытащил из кармана папиросу, воткнул ее Хоферу в рот, подтолкнул вверх проклятую челюсть. И вдруг он понял, понял, что теперь будет делать. Он наконец узнает, что тогда побудило Шротткина и Хофера так сильно мучить его, Лоренца. Он вспомнил о Лотте, вспомнил о Ларисе. Своей маленькой дочке...

– ...выкурим, что ли, по одной...

Хофер дрожал. Он не мог сдержать дрожь в руках, и прошла вечность, прежде чем папироса зажглась. Дважды он от возбуждения нечаянно задувал пламя. Лоренц вновь и вновь искоса взглядывал на Хофера, который теперь особенно картинно шатался, вцепившись в его, Лоренца, запястье. Потом доходяга наконец жадно втянул дым... Хофер – с тех пор как его арестовали прямо посреди замечательного допроса, который он сам проводил, – постоянно держал в уме возможность такой встречи. Он всегда заползал в самый темный угол вагона, с головой зарывался в грязные тряпки; он мазал себе лицо сажей, отращивал бороду, не поднимал глаза ни на одного человека... И все-таки эта встреча должна была рано или поздно произойти.

Теперь, выходит, она и произошла. Было бы чудом, если бы он пережил этот вечер. На такое чудо Хофер не надеялся. Мысленно он уже распрощался с собой и с жизнью и был крайне смущен, что теперь наметилась какая-то задержка. К чему это?

Лоренц внимательно смотрел на него.

– Слушай, Хофер, прежде чем я окончательно решу, что с тобой делать, я хотел бы прояснить кое-какие вещи. Пойдем.

Он схватил доходягу за руку и потащил за собой вдоль берега реки.

– лейтенант, я у вас одолжу этого этапника. Мы идем к Каэтану. Если он вам вдруг понадобится, вы знаете, где его искать.

Офицер, от костра, махнул рукой, ему было все равно. Ни один, ни другой не сбежит... Так что Лоренц и его бывший следователь вместе стали карабкаться по откосу к баракам. Хофер не сомневался, что его ведут на расправу: в какой-нибудь темный закоулок, где нет свидетелей. Он в таких делах знал толк.

Внезапный грохот – звук молотка, ударяющего по массивной двери лагерного склада, – вырвал бывшего следователя из состояния апатии. Теперь что-то загромыхало и внутри помещения, дверь распахнулась, и из темноты хриплый голос ответил шквалом ругательств. Каэтан – бородатый дикарь великанского роста – не производил впечатление человека, с которым можно шутить. Он грозно взирал на Хофера, стоящего прямо перед ним. У него в голове не укладывалось: как этот смехотворный тип осмелился столь нагло ломиться в его, Каэтана, дверь? Ведь до хилыка достаточно пальцем дотронуться, и его трусливая душонка сама покинет ослабевшее тело...

Но тут Каэтан разглядел Лоренца, выглядывающего из-за спины странного этапника, и его лицо сразу осветилось радостью.

– Я почти догадался. Так дерзко барабанить в мою дверь можешь только ты. Входи. Что, и этот тоже? Ну, тебе лучше знать... Мне-то кажется, что давать ему что-то нет смысла.

– Не беспокойся, Каэтан. Он не будет действовать нам на нервы весь вечер. Его, между прочим, зовут Хофер, и он мой бывший следователь.

Каэтан, хотя русским владел посредственно, на сей раз выдал чистейшее матерное

ругательство. Потом исчез во тьме склада, но вскоре вернулся, держа топор с длинным топорищем.

– Порешим его прямо здесь, как думаешь?

Лоренц отвел оружие в сторону.

– Успеется. Сперва я хотел бы узнать у него кое-что...

– Что может рассказать такая крыса? Он начнет врать, как только раскроет рот. Как и все эти гады. Если не хочешь сам, позволь мне...

Он угрожающе поднял топор.

– Лоренц, дружище, ведь это один из тех, у кого на совести твоя дочь. А теперь он попал тебе в руки, и ты еще сомневаешься? Разве каждый из нас, здесь, не клялся тысячу раз, что если когда-нибудь ему попадет кто-то из *этих*, он свернет ему шею... Или ты думаешь, твой следователь один был такой?

– Нет, конечно. Были и другие. Еще хуже. Но он в этом участвовал, и теперь я хочу узнать, как дело дошло до такого.

Лоренц протолкнул своего спутника в помещение, мимо хозяина дома, и заставил сесть к столу. На столе стояла завернутая в полотенца кастрюля, создающая ощущение тепла и уюта. Картошка в мундире. От картошки исходил такой аромат, лучше которого Хофер и представить себе ничего не мог. Для него-то старый спор эков о том, что для человека важнее – свобода, бабы или жратва, – давно был решен. Хоть раз наесться досыта, вот о чем он мечтал. Всё прочее в сравнении с этим поблекло.

Лоренц перехватил его жадный взгляд.

– Каэтан, будь так добр, принеси еще одну миску... и стакан. Мы тут, как-никак, в человеческом обществе, а не в подвале НКВД.

– На мой вкус, Лоренц, ты чересчур романтичен. Какой смысл еще и кормить такого? Если ты сам его не прикончишь, это сделает кто-нибудь другой.

Но он все же пошел к полке, на которой стояли жестяные миски.

Хоферу было без разницы, куда положат картофель. Главное, запихнуть в себя как можно больше. Он не ждал ни секунды, не ждал, пока первые картофелины остынут, но сразу их проглотил, обжег себе глотку и, кажется, даже этого не почувствовал. Главное – нажраться. Нажраться!

Он вопросительно взглянул на Лоренца, потом плеснул себе в миску подсолнечного масла из жирно поблескивающей бутылки, которая стояла на столе, покатав в масле горячие картофелины и обеими руками стал запихивать их себе в рот.

– Помедленнее, Хофер! – попытался Лоренц притормозить его волчий аппетит. – Это опасно. Твой желудок отвык от тяжелой пищи. Тебе лучше воздержаться от масла.

Но Хофер его не слышал.

Он только-только избежал верной гибели, и теперь добровольно откажется от кормежки? Не дождетесь! Всё, до чего он способен дотянуться, будет проглочено... Он перестал жевать только на минуту: когда Лоренц налил в три стакана «по сто грамм» и предложил выпить за нежданную встречу. Хофер поспешно опрокинул водку в себя. Поперхнулся, зашелся ужасным кашлем, справился с приступом после того, как Каэтан несколько раз стукнул его тяжелым кулаком по спине, – и вновь принялся запихивать в рот картофелины.

Тут Лоренц кивнул Каэтану, и Каэтан громадной ручищей накрыл кастрюлю.

– Слушай, Хофер, ты получишь еще что-то, когда отправишься в обратный путь, *если сейчас ответишь на мои вопросы*.

Хофер на мгновение замер, даже перестал жевать. В глазах его вспыхнули слабые огоньки. Он задумался. В словах Лоренца содержалось два важных сообщения. Во-первых: он сможет уйти отсюда живым. Это уже само по себе было странно. Во-вторых: он еще и провиант на дорогу получит. Значит, он завтра – и, может, даже послезавтра – будет сыт. Он мысленно рассмеялся: а ты, дурак, решил, что тебе в самом деле пришел конец...

Лоренц прервал беседу Хофера с самим собой.

– Та нелепая давняя история, когда я написал сатирический очерк в газету – о

застрывшем в грязи грузовике, – ведь не она же была причиной моего ареста? Или?

Он заворожено смотрел на своего бывшего следователя. Но Хофер уже объяснил себе: из этих двоих *никто тебя не убьет*. Они слабаки. Ударить – да, может быть. Но убить? Нет. И потом: этот немец хочет что-то узнать у тебя и готов за это заплатить. Сперва был картофель, потом стакан водки, а сейчас... Разве не лежат на другом конце стола две толстые селедки, порезанные на кусочки, в плоской кастрюльке? Короче, настоящее пиршество. И он, Хофер, не уйдет отсюда, *пока не съест все дочиستا*. А эти двое будут ему подносить еду...

– Нет, Лоренц Лоренцович, тут вы совершенно правы: не это было причиной вашего аре...эээ...ста.

Последнее слово он нарочно растянул, а сам в это время, вытянув шею, смотрел на селедку.

– Ты получишь селедку, только говори!

– Ну так вот, вы ведь помните, что тогда готовилось партийное собрание, надо было окоротить заместителя секретаря городского комитета партии. Дело ясное. Необходимые бумаги уже подобрали. Ему грозило десять лет лагерей, как правому уклонисту. Полковник лично занялся этим делом. Шротткин только помогал...

– Продолжай! А я тут причем?

Перед Лоренцом уже забрезжила правда, но он предпочел сделать вид, что ни о чем не догадывается.

– Вы разве забыли? Заместитель секретаря как раз вернулся из командировки в Москву, где он, как после выяснилось, нашел себе влиятельных покровителей. Мда... И до нас дошла информация, что кто-то его предупредил о готовящемся аресте. Мы только долго не знали, кто именно.

Хофер многозначительно посмотрел на Лоренца.

Да, это похоже на правду... Коля – они говорили друг другу «ты» – был, что называется, славным парнем. Открытым и всегда готовым помочь. Как русский, он не мог занимать в Энгельсе высшую партийную должность. Эту должность в столице немцев Поволжья должен был занимать – по крайней мере, для видимости – поволжский немец. В действительности же Коля держал в своих руках все связующие нити и выполнял всю работу. Лоренц знал это и очень его ценил. Понятно, что когда распространился слух о предстоящем аресте Коли, Лоренц попытался его предупредить. Он позвонил Колиной жене и попросил, чтобы сам Коля, как только вернется, перезвонил ему. Мол, это очень важно. *Жизненно-важно* – так он сказал. Она поняла. Вернувшийся из командировки Коля – услышав, с каким нетерпением его ждут, – тотчас развернулся и опять поехал в Москву. Там он пустил в ход все свои связи и приехал в Энгельс только в день этого решающего партсобрания.

Лоренцу он сунул записку: что у него, мол, все схвачено.

– И тогда...

– И тогда на собрании вы, Лоренц Лоренцович, вскочили и начали хвалить этого человека. Что выглядело как публичное харакири. Но тут ваш друг помахал своей директивой из Москвы... Наш полковник был вне себя от ярости. Что-то здесь не состыковывалось. Но мы, в НКВД, умеем посчитать, сколько будет один плюс один. И мы, конечно, вычислили, кто нам испортил все дело...

Он многозначительно посмотрел на Лоренца.

– Так вот: что эта история получит продолжение, было очевидно. Наш аппарат ничего не прощает! Аппарат не прощает никогда! Остальное вы сами знаете...

Да, остальное Лоренц знал.

На том собрании некоторые сразу от него отвернулись. Другие восхищались мужеством, которое он проявил. Третьи удивлялись его глупости. Сам он думал, что поступил правильно. Что наверняка еще остаются порядочные люди... Но он неверно оценил ситуацию. Порядочность спросом не пользовалась. Уже давно. А спасительная рука из Москвы простиралась только над Колиной головой, над головой этого *славного парня*... Но не над ним, Лоренцом. Не над ним.

– Мы еще за несколько месяцев до того, Лоренц Лоренцович, собрали на вас чудненькое досье. Ведь проявление бдительности – это лишь часть нашей работы. Другая часть – собирать, собирать, собирать... Мы собираем всё. Что говорит ваш сосед, о чем болтают в школе ваши детки, что может рассказать покинутая супруга... Знаете ли, сам я как раз специалист по брошенным женам. Стоит мне узнать, что кто-то улыбается новой подруге, причем совсем не так, как улыбался прежней... Несколько теплых сочувственных слов, и вот уже брошенная женщина рыдает в голос: она так тронута, что на свете еще не перевелись порядочные мужчины... – Хофер усмехнулся. – Потом уже работа идет как по маслу. Вы не поверите, Лоренц Лоренцович, но чего только мужчины не рассказывают своим женам: вещи, которые к этим женщинам никакого касательства не имеют. Но нет, они всё разбалтывают... И такой супруг-предатель воображает, будто, обнимая новую Манюшку или Дашеньку, он пребывает в полной безопасности... Тогда как на самом деле он давно в нашей власти...

Набитое брюхо и, главное, водка привели Хофера в состояние благодушной расслабленности.

Опьяненный собственными словами, он панибратски хлопает Лоренца по плечу. Он теперь уверен в себе. Эти двое – штатская шваль. И как он мог сразу этого не понять... Чтобы такие убили кого-то? Курам на смех. Молотком? Театральный выпендрож. Топором? Да ладно, проехали... Даже если сейчас он встанет и направится к двери, эти слабаки его не убьют. Но зачем ему уходить?

– Ну так вот, Лоренц Лоренцович, в вашем случае, конечно, дело не в женщине, а напрямую из-за Коли мы тоже не могли вас арестовать. Нам помог некий Ротермель, разболтавшийся на допросе. Много из него нельзя было вытянуть. Зато он подписывал всё. Если нужно, то даже чистый лист бумаги. Ему только намекни, и он начинал фонтанировать: выкладывал что угодно, и прежде всего фамилии. Как телефонная книга. Фамилии, фамилии...

Хофер пододвинул кастрюлю с картошкой поближе к себе.

– Вы в его показаниях тоже упоминались. Как шпион, который будто бы часто встречается с другими агентами. Где и когда, этого он не мог сказать. О чем шла речь на таких встречах – тоже. Но ведь мы как раз и существуем для выяснения подобного рода обстоятельств. Нам нужны только имена. А за признаниями дело не станет. Как вы знаете, добывать признания – это наша специальность. Что *именно вы* проявите такое упрямство, никто не предполагал. Впрочем, вам это не помогло.

– Сучьи дети, мать твою...

Каэтан, выругавшись, сплюнул на пол, поднялся из-за стола и достал из шкафчика бутылку. Когда стаканы снова наполнились, Лоренц еще раз предупредил бывшего следователя, чтобы тот обращался с едой осторожнее. Но Хофер только махнул рукой. И обмакнул кусок хлеба в масло.

– Смогу ли я сейчас вспомнить всех, кто давал на вас показания, не знаю. Кажется, к вашему делу еще приложил руку некий Кройцберг. Но он мало что сказал. Только что вы, Лоренц Лоренцович, никогда не были членом КПП.

– Это я знаю. Но ведь за такое не сажают, даже в этой стране. Хотелось бы верить.

– Конечно, но ведь Кройцберг сказал, что вы сознательно *оставили всех в уверенности, будто состоите в партии*. А это, согласитесь, уже другой колленкор...

– Чепуха! И много у вас набралось таких показаний?

Хофер быстрым движением выхватил из кастрюльки последний селедочный хвост и сунул его себе в рот. Каэтан с укором взглянул на Лоренца. Великан явно хотел приструнить прозорливого гостя. И уже сжал кулак. Но Лоренц удержал его за рукав.

– Участвовал ли еще кто-то в этом деле?

Хофер наслаждался изменившейся ситуацией. Ведь теперь именно от него зависит ход этой странной встречи. С откровенным любопытством он, не торопясь, огляделся. Здесь, в помещении склада, повсюду стоят мешки, бочки с рыбой...

Внезапно в проходе между мешками что-то звякнуло, и раздался громкий писк. Каэтан

тотчас вскочил на ноги и исчез во тьме. Через минуту он с торжествующим видом вернулся из этого лабиринта, держа в руке чудовищных размеров мышеловку. Эту конструкцию изготовил для него Лоренц. А разработал модель один мыловар из Праги, уже по роду профессии прекрасно разбиравшийся в крысах. Как раз сейчас ловушка продемонстрировала свою эффективность.

Каэтан подошел к двери и швырнул дергающуюся крысу собакам.

– Думаю, Лоренц, ты должен мне сделать еще несколько таких. Иначе я со здешними тварями не справлюсь.

– Сделаю, Каэтан, нет проблем. Но сначала пусть этот хмырь закончит свою работу. Ну, Хофер, продолжай!

– Да больше говорить особо и нечего. Некий Гордон на допросе показал, что вы будто бы уважаете Льва Троцкого. Главным образом потому, что он, дескать, очень умный и, когда читает, сразу схватывает взглядом целиком всю страницу. Но даже Шротткину показалось, что этого маловато...

Хофер прервал поток воспоминаний и завороченно уставился на бутылку с остатками водки. Однако Лоренц отрицательно качнул головой.

– А что со Шротткиным? Его повысили в должности или он по-прежнему избивает незащищенных людей?

– Шротткин? Шротткину пришел конец.

Губы Хофера сложились в презрительную гримасу.

– Его расстреляли. Месяца через два или три после вашего отбытия. У нас в подвале сидел такой толстячок. Мелкая рыбешка. С пятилетним сроком за... Я уже не помню. В любом случае, он был меньшевик. Социал-демократ старого пошиба. Был меньшевиком *до революции*, понятное дело. Поставил в свое время не на ту карту... Уже за одно это мог схлопотать срок. Но почему-то он понадобился нашим ребятам. Насколько помню. Ему уже выбили несколько зубов и сломали ребро или два... И тут случайно в подвал заходит Шротткин. Он, собственно, к этому делу отношения не имел. Пришел за какой-то писулькой. Или хотел что-то узнать. Неважно. А тут этот меньшевик сидит на стуле и вдруг как заскулит: «Товарищ Шротткин, какими судьбами здесь? Ты ведь мне поможешь?» Оказывается, они когда-то были товарищами по меньшевистской партийной ячейке. Шротткин хотел его сразу пристрелить, за клевету, даже пистолет вытащил. Но его коллеги уже наострили уши. И вскоре сам Шротткин сидел перед следователем. А потом *бамс...* И нет человека!

Когда опустела и вторая водочная бутылка, Каэтан, чтобы не пересыхало горло, принес чистый спирт. Хоферу, в его состоянии, хватило немногого. Не закончив фразы, он повалился под стол. Лоренц и Каэтан подняли его и положили на скамью. Он уже провалился в сон.

А те двое вернулись к столу и налили себе еще по стакану. В какой-то момент Лоренц решил, что не пойдет этой ночью к себе в барак. Ему, механику, приходилось – когда было срочное задание – спать в мастерской. Круглов раздобыл ему пропуск, чтобы не возникало проблем с лагерной охраной.

Когда и спирт закончился, Каэтан постелил Лоренцу на столе одеяло, а сам лег на вторую деревянную скамью. Вскоре в помещении склада уже раздавался такой храп, будто там работает по аккордному подряду бензопила.

Нечеловеческий, душераздирающий крик заполнил собою тьму.

– Мать Божья! Яд! Вы меня отравили!

Лоренц вскочил. В первый момент он не понял, где находится. Он услышал глухой удар. И потом – громкое «Матка боска!», перекрытое новым пронзительным возгласом:

– Вы меня убили!

Дальше визгливый крик перешел в жалобный скулеж:

– Почему вы это сделали? Почему?

Кто кого убил? Кто, кого отравил? Лоренц не сразу сообразил, что вокруг него происходит. «Матка боска», правда, ему что-то напомнило. Каэтан...?

Мало-помалу он собрался с мыслями.

Вспыхнуло колышущееся пламя. Гигант склонился над Хофером. Который корчился в судорогах под лавкой. Хофер держался за живот, вновь и вновь жалобно повторяя:

– Почему вы это сделали?

Широко раскрытыми глазами он смотрел на Лоренца. И Лоренц внезапно понял, что здесь произошло.

– Каэтан, скорее за фельдшером, а то он у нас помрет!

С Хофером случилось именно то, о чем он, Лоренц, предупреждал накануне. Хофер обожрался. Картошка, подсолнечное масло, шнапс... Истощенное тело не справилось с внезапной нагрузкой.

«Божье возмездие?!..» Хоть он и атеист, но порой действительно и не захочешь, а поверишь в Бога, думал Лоренц.

Каэтан выскочил за дверь и умчался в ночь. Лоренц положил на лоб Хоферу влажную тряпку... В какой-то момент появились заспанные санитары. Они подхватили дергающееся тело бывшего следователя и куда-то его понесли. Лоренц и Каэтан еще какое-то время молча сидели под светом слабой лампы. На подоконнике стояли три стакана и пустые бутылки. Каэтан заглянул в каждую. Но там ничего больше не было. Тогда он поднялся и, проходя мимо Лоренца, положил тяжелую ладонь ему на плечо.

– Хм. – Больше Лоренц не нашел, что сказать.

– Это судьба. Ты пытался предостеречь. Но тут уж ничего не попишешь: его час пробил. Ты хотел оставить Хофера в живых. Но его час уже пробил.

– Забирай свое одеяло и ложись. Ночь скоро кончится.

Каэтан запер дверь. На три тяжелых висячих замка.

Но сам Лоренц не мог спать. Было еще темно, когда он поднялся и зашагал в сторону мастерской.

У ворот лагеря он протянул охраннику пропуск и папиросу, однако солдат проверять его документ не стал. Вторая зона, с мастерскими и рельсами железной дороги, охранялась не так строго, как первая, где располагались жилые бараки.

Они стояли и молча курили. Вдруг охранник пробормотал:

– Сегодня ночью одного забрали санитары.

– И что?

– А он только накануне прибыл с этапом.

– Ну, и что с ним такое?

– Упился до смерти.

– До смерти?

– Ну да, до смерти! Уж не знаю, как его угораздило. Нашему-то брату за всю неделю ни капли не перепадет, а этот еще и на нары не успел лечь, как уже нализался так, что хоть святых выноси. Для них это не лагерь, а чистый курорт.

Он выпустил кольцо дыма в холодное небо.

– Только баб нет: это, пожалуй, единственное, чего не хватает.

– Ты уверен, что он умер?

– Ну да, его мимо меня пронесли. Сейчас лежит в сарае для инструментов. Клопам нынче не до него. Потому как слишком холодно. А вот крысам холод нипочем.

– Крысам?

Лоренц мысленно увидел окоченевшее тело Хофера, как оно слабо шевелится в полутьме. Потому что наверняка его облепили крысы. Эти голодные твари приспособились к местным условиям. Покойников они чтут. Возьмут от мертвеца только то, что еще может принести пользу...

Принять решение о демонтаже целых немецких предприятий русские могли только в алкогольном делириуме. Так считал Лоренц. Ни одна из вывезенных после войны заводских установок в обширной советской империи не заработала вновь. Подъемные краны, машины, верстаки ржавели в степи, брошенные у самой железной дороги. Кое-что из оборудования попадало и в Воркуту. То, что не годилось для благоустройства шахт, еще годы спустя валялось, погребенное под сугробами. Так, в один прекрасный день в Запролярье доставили полное оборудование гравийного завода. Эти машины происходили из Тамбах-Дитарца, городка в окрестностях Готы. Никто о них не позаботился, никому не было дела до поставок из Германии. А летом приехал экскаватор и засыпал всё щебнем.

Вот как это на самом деле выглядело. Как бессмысленная работа разрушения...

Машины портились, люди тоже. Лоренц находил этому только одно объяснение: *Сталин никогда не верил, что сможет удержать ГДР под своей властью.* (Его известные слова о Гитлерах, которые приходят и уходят, тогда как немецкий народ остается, – просто патетическая банальность.) А иначе не понять бессмысленный демонтаж восточно-немецкой экономики... Только преемники Сталина начали вести себя хитрее. В Кремле тогда уже забрезжило понимание, что выгоднее заставить трудолюбивых немцев работать на Советский Союз.

Однако этот Советский Союз, не умеющий построить для себя ни одного нормального трамвая, теперь – в лице своего «закупщика» Ивана Ивановича Коренцова – вздумал подвергать сомнению качество продукции Готы. Лоренц от возмущения просто не находил слов! Коренцов – потому что так его левая пятка захотела, или потому что не понравился завтрак в отеле, или потому что жена опять прислала из Москвы длиннющий список покупок – в конце каждого месяца браковал сколько-то трамвайных вагонов. Для завода это означало, что не выполнен план по экспорту. Это означало, далее, что районный комитет партии будет задавать дурацкие вопросы. Невыполненный план – уже плохо. Но невыполненный план по поставкам в Советский Союз – это еще и политический вопрос. И поскольку партия всегда всё знает лучше, руководству завода придется являться в «маленький Кремль», то есть местный комитет партии, давать пространные объяснения и потом выслушивать советы от функционеров, которые ничего в этом деле не смыслят... Поэтому люди проглатывали обиду и «дорабатывали» вагоны. Что, опять-таки, требовало дополнительных затрат.

Проклятый Коренцов, может, и не отличался большим умом, но как с максимальной выгодой использовать служебное положение, это он знал. Его последний трюк: дескать, прорези на шляпках тех латунных винтов, которыми крепятся буксовые рейки сидений, не сориентированы в одном направлении. *Прорези на шляпках не сориентированы!* Хотя это не портит общую картину – на шляпки вообще никто внимания не обращает – и уж тем более не влияет на прочность сидений, такого замечания хватило, чтобы заблокировать отправку очередной партии трамвайных вагонов в Ленинград.

– Он что, совсем охренел?! – спросил Лоренц. Затем выругался трехэтажным русским матом, раскатившимся по коридору так, что сослуживцы втянули головы в плечи, и поинтересовался у своего ассистента, где можно найти этого «саботажника».

– Он живет в гостинице «Мавры», – поспешно ответил ассистент. – И столуется там же, ни в чем себя не стесняя, за счет нашего завода.

– В «Маврах», говоришь? Это хорошо... Я с ним договорюсь.

Тем же вечером Лоренц, в двубортном пиджаке и при галстукке, зашел в ресторан гостиницы. Из восьми столиков были заняты три. Парочка у окна, судя по всему, никакого отношения к трамваям не имела. В мужской компании, отмечавшей какой-то праздник, искать русского тоже не имело смысла. Оставался одинокий мужчина в костюме из «американской куриной шерсти», как называют в России такое качество материала. На вид лет пятидесяти, за толстыми стеклами очков в роговой оправе прячутся маленькие бесцветные глаза... В правой руке мужчина держал пивной бокал и с удовольствием рассматривал его содержимое. Другая рука покоилась на пачке русских папирос. Без

сомнения, этот человек прибыл из бескрайних пространств Советского Союза...

Человек с наслаждением отхлебнул большой глоток пива, потом занялся «татарской закуской». Лоренц решительно подошел к этому поклоннику немецкой кулинарии.

– О, какое редкое зрелище! – начал он свою речь. – Русский, который ест сырое мясо, разве такое бывает? Это скорее еда для немецких варваров!

Лицо Коренцова, еще минуту назад выражавшее блаженство радостного предвкушения, омрачилось. Он не любил, когда ему мешают за едой, и уж тем более – когда мешает кто-то из местных. О таком никогда не знаешь, по чьему поручению он действует, для кого пишет свои отчеты. Еще хуже, что у большинства немцев нет денег. Поскольку их работу плохо оплачивают, они попрошайничают, где только можно, и ему, Коренцову, приходится наливать такому человеку один стакан водки за другим. Без надежды, что собутыльник когда-нибудь оплатит тем же. *He оплатит* – ни здесь, ни, тем более, дома, в России.

А *этот* непрошенный гость даже и не представился. Закупщик Коренцов размышлял, нельзя ли уклониться от разговора – просто сделав вид, будто ничего не слышал. Но, решил он, судя по виду навязчивого незнакомца, от него так легко не избавишься...

– Сырое мясо? Как вам такое пришло в голову? Это же фарш, замечательный тонко прокрученный свежий фарш. Было бы хорошо, если бы и у нас дома появилось что-то подобное...

Лоренц продолжал ерничать, довольный тем, что ему с первой попытки удалось втянуть Коренцова в разговор:

– Вы разве не знаете, почему в России такое невозможно?!

Он требовательно смотрел в глаза Коренцову.

– Правильно! Из-за этих крошечных тварей, которые мгновенно заводятся в сыром мясе. Здесь-то такого не допустят. А вот у *вас дома* за этим уследить сложнее. Я когда-то на Волге знал одного человечка: он был высохшим, бледным, всегда в плохом настроении, потому что ему не давали покоя *сожители*, поселившиеся в его нутре... Отсюда уже легко перейти к нашей теме...

– Какой теме? И кто вы вообще такой? И чего хотите?! – Коренцов будто окаменел, стал воплощенным негодованием.

– Ах да, я забыл представиться: Лоренц Лоренцович Лохтхофен. Я технический директор здешнего вагоностроительного завода.

– Технический директор? Не может быть. С ним я знаком. У него другая фамилия, да и выглядит он иначе.

– Тот, кого вы имеете в виду, уехал. В Берлин. Теперь вам придется иметь дело со мной, и я думаю, нам стоит поговорить. Вы позволите?

Лоренц пододвинул к столику еще один стул и махнул кельнеру, который, хотя обычно заставлял себя ждать, на сей раз подошел тотчас же. Он, видимо, еще помнил щедрые чаевые, которые Лоренц давал ему, когда жил с семьей в этом отеле.

– Как всегда, но двойную порцию. И еще, пожалуйста, такую же закуску, но чтобы лука побольше. Пахнет она замечательно! – Потом, повернувшись к русскому закупщику, Лоренц ледяным тоном продолжил:

– Так вы и есть знаменитый Коренцов?

– Что значит знаменитый?

– *Печально знаменитый*, так вам понятнее? Прославившийся из-за винтов...

– Винтов? – переспросил русский. – Причем тут, черт побери, винты?!

Коренцова уже достал обременительный гость. Он хотел, было, открытым текстом потребовать, чтобы тот оставил его в покое, но тут внимание закупщика неожиданно переключилось на другое. Кельнер, элегантно изогнувшись, поставил на стол два стакана. Коренцов теперь попытался рассмотреть их содержимое. Это не пиво. Не прекрасный холодный пилзнер, который ему так нравится... В стаканах мерцала вода. Коренцов уже открыл рот, чтобы спросить, что, черт возьми, это значит, но тут в его сторону повеяло легким сквознячком, и он понял. *Никакая это не вода. Это водка.*

Пить шнапс из стаканов для воды? Такого он в «Маврах» еще не видел. Дома в России, это сколько угодно. Там водку пьют из любых сосудов, способных удержать в себе жидкость. Из консервных банок, пахнущих рыбой, из стеклянных банок из-под маринованных огурцов – никого это не смущает. Главное, чтобы водки хватало. Если же ее не хватает, делают «водочную тюрю». В глубокую тарелку крошат черный хлеб, сверху наливают остатки водки. Кто хлебает ложкой это национальное блюдо, может не сомневаться, что достигнет цели в рекордный срок. И что следующий день будет ужасным...

От стаканов исходил острый запах. Коренцов напряженно думал. Он не любитель застолий с выпивкой. Выпивать с кем-то всегда опасно. Выпивающий становится слишком самоуверенным, хочет блеснуть, начинает болтать всякий вздор. «Язык мой – враг мой»: он тоже знает эту поговорку, знает десятки случаев, когда болтун расплачивался за свое легкомыслие головой. Появление водки в стаканах для воды означает только одно: будь на чеку! Непрошенный гость не может быть чистым, как стеклышко, немцем. Потому что ведет он себя слишком по-русски...

– За знакомство!

Лоренц поднял стакан. Закупщик, поколебавшись, тоже поднял свой. Они чокнулись и залпом выпили.

– Вы позволите?

Не дожидаясь ответа, Лоренц протянул над столом руку и, к изумлению Коренцова, отломил кусочек от ломтя хлеба, лежащего *на тарелке закупщика*. Затем поднес этот кусочек к своему носу, глубоко втянул воздух и проглотил хлеб.

– Пожалуйста, – ответил задетый за живое Коренцов. – Я вижу, вы хорошо разбираетесь в русских застольных обычаях. Где вы этому научились? И откуда так хорошо знаете наш язык?

Лоренц усмехнулся. Водка и русский язык, это всегда срабатывает. Коренцов уже сидит у него на крючке, как роскошный лосось; теперь остается только осторожно, очень осторожно подсесть рыбу...

– Это длинная история. Я учился в особом университете, на русском Севере.

– Ах, я тоже учился в Ленинграде. Какое совпадение!

– Нет, это был не Ленинград.

Он посмотрел на Коренцова: тот явно не понял намека. Русский намазал фарш на ломоть хлеба и с удовольствием откусил кусок. Немного желтка капнуло на скатерть. Коренцов раздраженно соскреб кляксу ножом. Вместо едва заметной капли теперь получился длинный желтый мазок.

– Но, видите ли, я знаю *не только* язык и обычаи русских... – Тут Лоренц прервал себя посреди фразы, чтобы подать кельнеру беззвучный сигнал: показал два растопыренных пальца. Этого оказалось достаточно. Кельнер кивнул и – тоже без единого слова – принес еще два стакана. Прежде чем ошеломленный Коренцов, молча наблюдавший за странной сценой, успел что-то сказать или возразить, Лоренц снова поднял стакан с водкой, выпил его, сказав «За ваше здоровье!», и продолжил:

– ...я также знаю, *как у вас работают!*

Коренцов с неудовольствием принял к сведению, что его собеседник опрокинул в себя новую порцию водки без каких-либо признаков возбуждения. Только когда он ставил стакан на стол, стекло слишком жестко стукнулось о столешницу, из-за чего другие посетители взглянули в их сторону. Кельнер вовремя принес Лоренцу его порцию: теперь тот отломил кусок от *собственного* ломтя хлеба, появившегося на столе одновременно с двумя стаканами и «татарской закуской».

– И поверьте мне, Иван Иванович: между Брестом и Владивостоком нет *ни одного* завода, который поставлял бы продукцию такого качества, как у нас. Говорите, винты не соответствуют стандарту? Но вы же знаете, что у вас дома, когда собирают трамвайные вагоны, никто даже не дает себе труд заворачивать винты. Рабочие их просто заколачивают – молотком. Если рейки через неделю-другую отвалятся – кого это волнует? А раз так, товарищ

генеральный закупщик, что же вы с нами-то шутки шутите?

Недипломатичный, четко поставленный вопрос застал Коренцова врасплох. Он не учитывал возможность столь дерзкого поведения по отношению к советскому партнеру. Как этому человеку вообще взбрело в голову обращаться к нему просто по имени-отчеству, будто их связывает долгая дружба? А еще этот тон... И фамильярное выражение: «шутки шутить»... Такого он терпеть не намерен! От какого-то немца... В конце концов, это *они* проиграли войну. В конце концов, сейчас русские солдаты стоят на немецкой земле, а не наоборот. Коренцов уже приготовился поставить невежду на место, но в последний момент предпочел остаться в укрытии. Черт его знает, что это за тип. Без причины никто не станет вести себя столь самонадеянно. А этот, видно, уверен в себе... Коренцов решил, что будет говорить «энергично», но «сдержанно» (в смысле выбора выражений):

– Я, как удачно выражаются у вас в Германии, *выполнял свой долг*. В конце концов, мы платим много денег за ваши вагоны.

– Ну, насчет оплаты тоже можно поговорить, другие платят гораздо больше! – перебил его Лоренц. – К сожалению, от нас с вами тут ничего не зависит... Что же касается *качества работы*, то за него отвечаю я. И я попросил бы вас прекратить придирки по ничтожным поводам. Я говорю с вами совершенно открыто и ясно: я решил в случае необходимости подключить и своих московских друзей. Нужны ли кому-то такие неприятности? Мне лично нет. Вам, думаю, тоже нет. Служащие «Мавров» наверняка заскучают, если вы перестанете останавливаться в их гостинице. «Татарской закуске» тоже будет вас не хватать. Завистники, готовые взять на себя ваши полномочия, наверняка найдутся. Это вы, Иван Иванович, знаете не хуже меня!

Лоренц выпил за здоровье русского *третий стакан водки* (принесенный тем временем кельнером, уже без всяких просьб).

Коренцову ничего не оставалось, как последовать его примеру. На этой третьей стадии алкоголь наконец оказал ожидаемое воздействие. Лицо скупщика налилось красной краской, нос же приобрел лиловый оттенок. Коренцов закашлялся, не сумел одним залпом опорожнить стакан, поставил его на стол... И в то же мгновение понял, что *не устоит* перед натиском нового «технического директора», столь непохожего на всех прочих немцев. Большинство из них наложили бы себе в штаны, всего лишь увидев, как советский товарищ недовольно приподнял брови...

Этот не таков.

А ведь роли были так четко распределены. Коренцов знал о политической значимости поставок в «страну Ленина». Потому он и рассматривал свое пребывание в Готе как приезд русского ревизора царских времен в какое-нибудь захолустье, с целью инспекции государственных крепостных. Предлог, чтобы забраковать сколько-то вагонов, находился всегда. Это давало двойной эффект: на немецком заводе его боялись; дома же, в Москве, радовались тому, что послали в Германию надежного человека. А что долгожданные вагоны попадают в Россию с многомесячным опозданием, это в центральном ведомстве никого не тревожило. Для Москвы вагонов хватает, а провинция может и подождать...

Тем временем Коренцов наслаждался в гостинице «Мавры» красивой жизнью. Жил он в большом номере, с добавочной пышной периной. Как же он любил эти немецкие перины, их блаженную тяжесть! Он кушал и пил вволю, за счет вагоностроительного завода, а через несколько месяцев, нагруженный подарками для жены и детей, а главное – что гораздо важнее – для начальства, отправлялся в обратный путь, в Москву. Подарки для начальства надо подбирать с особой тщательностью. Кто в таких делах мелочится, рискует всем. Коренцов хорошо представлял себе, о чем идет речь. Коробкой конфет или бутылкой вина тут не отделаешься. Потому что *его* начальник должен, опять-таки, передать что-то *своему* шефу. А этот начальник начальника – еще выше. Тут уже и до министра недалеко. О министре же Коренцов слышал только одно: тот берет исключительно наличными. В общем, обычное приношение для «конторы», как коллеги называли между собой свое ведомство, занимающееся импортом и экспортом, выглядело так: пара туфелек для супруги

руководителя отдела, у нее 41-й размер... Габариты этой дамы Коренцов помнил лучше, чем собственную жену, – знал о ней всё, включая размер бюстгалтера. Ведь русская зима это не то, что вялый немецкий морозец... Ну так вот: супруг дамы, начальник Коренцова, удовлетворялся бутылкой хлебной водки. Для отправки дальше наверх предназначались еще две бутылки, блок сигарет «Пэл Мэл» и сто восточнонемецких марок, мелкими купюрами. Если в «конторе» распространялся слух о предстоящем сокращении штата, Коренцов клал сверху еще два галстука, купленных перед самым отъездом в берлинском универмаге. Он надеялся, что в случае чего кадровое решение будет принято в его пользу. И до сих пор не обманывался в своих ожиданиях.

И вот теперь такое!

Новый «технический директор» испортил ему настроение. Коренцовым овладела тревога, которую даже водка не может заглушить. Что если этот человек получил задание «с самого верху»: смотреть *ему*, Коренцову, на пальцы? Что если до товарищей в Москве дошел слух, что он здесь, в «Маврах», имеет не только красивую постель, но и соответствующую такой постели красивую «фройляйн»? Ну да, с первого взгляда, может быть, она красивой и не покажется, и что молода, как утро, про нее тоже не скажешь – а все-таки они свои маленькие радости получают... Не очень часто, правда, зато регулярно... Он ей привозит русские конфеты и шампанское...

Что если этого странного типа подослали специально, чтобы отобрать у него его прекрасную должность? Прекрасное владение русским языком, знакомство с обычаями питейного застолья, дерзкая самонадеянность – такое случайным совпадением не объяснишь. *Инспектор, может даже действующий по поручению КГБ?* Эта мысль заставила Коренцова побледнеть. Связаться с тем офицером, перед которым он сам отчитывается? Лучше не надо. У этих господ аллергическая реакция на любые вопросы. Главное, быть осторожным. Очень осторожным... И Коренцов постарался перенять интонацию нового знакомого:

– Ну-ну, значит, вас обидела эта история с винтами... Думаю, ее можно урегулировать. Главное, винты должны быть крепко закручены. И, разумеется, из-за каких-то там винтиков немецко-советская дружба не пострадает. Или вы не согласны?

– Замечательно! Мы с вами сошлись во мнениях!

Не сомневайтесь, Иван Иванович, наши винты даже для танков годятся. Значит, договорились! Вагоны будут отправлены *в том виде, в каком они есть*. Если такого повода вам мало... выпьем за ваше здоровье!

– На здоровье, – пробормотал Коренцов. Он слишком хорошо представлял, как будет чувствовать себя завтра. Как бы он хотел, чтобы в его стакане сейчас было пиво...

2012

Конверт оказался тонким. Разочаровывающе-тонким. Я вытряс его содержимое на стол, нескрепленные листы веером рассыпались по полированной поверхности.

Многого от этого «дела», заведенного на отца сотрудниками штази, я все равно не ждал. Ведь и в Федеральном архиве, куда попали кадровые документы из ЦК, папка Лоренца Лохтхофена ничего особенно нового мне не открыла. Краткие персональные данные, два письма Вильгельму Пику, несколько заполненных анкет и написанная от руки автобиография; конверт, от которого неизвестный филателист отодрал русские почтовые марки, и ничего не значащая открытка... Аппарат не оставлял следов. О чем думали или говорили в коридорах правительственной резиденции в Восточном Берлине, кто способствовал карьерному росту отца, а кто, наоборот, хотел помешать... Не осталось никаких записей, позволяющих судить о закулисной стороне тогдашней жизни, о намерениях чиновников. Почти стерильный параллельный мир...

Получила ли служба безопасности приказ держаться от отца подальше (потому что партия защищала людей, относящихся к ее внутреннему кругу), или ранее собранные компрометирующие материалы в какой-то момент были уничтожены, – на основе имеющихся документов решить такой вопрос невозможно. Ситуация в любом случае странная: ведь сохранилось достаточно подтверждений тому, что на заводе пишущих машинок в Зёммерде сотрудники штази постоянно вели наблюдение, и уж *директор завода* уклониться от такой слежки никак не мог.

И все-таки два комплекса документов, добавленных в последние годы, когда отец жил в Бад-Либенштайне, представляют собой исключение. Это досье «Хагер» 1987 года и «Дело Вебера», открытое ровно за день до смерти моего отца, скончавшегося 14 сентября 1989 года. Обе эти истории с сегодняшней точки зрения кажутся сюрреалистическими: они как послания из иного мира, вряд ли понятные даже тем людям, которые в свое время были свидетелями отраженных в них событий. Насколько же нездоровым должно было быть общество, если оно не доверяло даже «своим», вплоть до их смерти и еще дольше?

Чтобы пересказать обе истории, много времени не потребуется. В один прекрасный день некий пожилой господин (пожилой, потому что пишет зюттерлиновским почерком¹), которому осточертела глупая болтовня в политбюро, посылает письмо Курту Хагеру, главному идеологу страны. Содержание письма исчерпывается двумя фразами: *Уважаемый товарищ профессор Хагер и понятия не имеет, что такое настоящий марксизм. В нынешней ГДР, переживающей свинцовую эпоху упадка, пестуется и обретает святотатственные масштабы то, что во всем мире давно отброшено за ненужностью...* Полдюжины офицеров штази тут же берутся за поиски злоумышленника, и вскоре, как им кажется, нападают на след заговора. Дело в том, что имя и адрес отправителя – фиктивные. Они принадлежат умершему владельцу частной авторемонтной мастерской, который никогда не интересовался теоретическими вопросами марксизма, а всегда имел дело только с практическими нуждами реально существующего в Восточной Германии дефицитного хозяйства... Майор Эберт из отделения госбезопасности города Бад-Зальцунген (собственноручно расписавшийся под документом) в кратчайший срок составляет профиль преступника:

«Составитель письма должен быть искушенным в борьбе, образованным партийцем старше шестидесяти лет. Как показывают прилагаемые документы, авторство письма следует приписать товарищу Лохтхофену. Он пользуется репутацией трудного в общении человека».

К отчету приложено пространное графологическое исследование, заканчивающееся выводом, что Лоренц Лохтхофен преступного письма не писал. Но майора Эберта не так легко сбить с толку. Он уверен: классовый враг это мастер замечать следы. Если анализ почерка не помог, проба слюны точно поможет. Кто-то ведь клеивал конверт... Проходят недели, прежде чем ведомственная лаборатория дает окончательный ответ: разыскиваемый – это «лицо мужского пола со второй группой крови». Поскольку у Лохтхофена так просто анализ крови не возьмешь, приходится обратиться за помощью к агентам штази в белых халатах. Один из них знает, когда подозреваемого в последний раз оперировали, другой тайком раздобывает в клинике города Бад-Берка искомые данные о группе крови. Спустя семь месяцев после того, как вся эта история началась в Берлине, в бюро Хагера, наконец окончательно выясняется: у Лоренца Лохтхофена группа крови *первая*, резус-фактор отрицательный. То есть он определенно *не является* автором пресловутого письма...

Еще одна маленькая деталь: майор штази в своем отчете не забыл упомянуть, что, как выяснилось в результате проведенных им изысканий, подозреваемый «прежде был членом ЦК КПСС, в промежутки времени между 1940 и 1946 годом».

Спутать лагерь с Кремлем – представляю, как это позабавило бы моего отца!

Последняя запись об отце, хранящаяся в папке из министерства госбезопасности, не столь интересна. Здесь круг замыкается: то, что пятьдесят два года назад начало НКВД, теперь пытается завершить штази. Некий сотрудник штази – из отдела, занимающегося

---

1 Почерк, который преподавался в школах Германии до 1941 года.

разоблачением нацистских и военных преступников – через четыре дня после смерти моего отца начинается «строго секретное расследование», которое должно доказать, что Лоренц Лохтхофен на самом деле не Лоренц Лохтхофен. Может, он агент международной буржуазии, шпион, саботажник? В поисках доказательств предполагалось проверить, помимо обычных для штази источников, также списки пропавших без вести нацистов и списки немецких эмигрантов из Советского Союза. Среди прочего – и дневники Герберта Венера². Патологическое недоверие службы госбезопасности к моему отцу было вызвано одной ошибочной строчкой в справочнике, составленном мангеймским историком Германом Вебером, где короткая биография Лоренца Лохтхофена заканчивалась фразой: «Приговорен к восьми годам принудительных работ, умер в лагере».

Три последние слова и послужили поводом для активности сотрудника штази. Но далеко он в своем расследовании не продвинулся. Потому что всего через несколько недель у службы госбезопасности появились другие заботы: теперь речь шла о ее существовании.

Мой отец не дожил до осеннего «Поворота». Можно только гадать, что бы он сказал по этому поводу. Но в его фундаментальных убеждениях даже конец социалистического эксперимента ничего бы не изменил: после двойной катастрофы первой половины двадцатого века – террора и войны – нужно было начинать все сначала. Поставленный перед выбором – остаться ли в Советском Союзе или вернуться в Рурскую область, – отец решил вернуться в ГДР. Но в старости ему пришлось с горечью констатировать, что сбросить с цоколя бюст Сталина можно очень быстро, а вот преодолеть в себе «сталинство» далеко не так просто.

Он никогда не говорил о «сталинизме», то есть нагромождении грубых догм, а всегда только о «сталинстве»: крайне негуманной и не-толерантной позиции, представители которой готовы оправдать высшей целью даже уничтожение инакомыслящих. Отцу было ясно, что таким путем в любом случае лучшее общество не построишь.

Жизнь Лоренца Лохтхофена это история человека, который выжил. Сумей мы расспросить мертвых, они рассказали бы нам другие истории.

Повезло ли моему отцу?

Да, ему повезло.

Но дело не только в везении. Поначалу энкэвэдэшники не знал, что делать с этим немцем, потом Москва потребовала новых жертв для показательного процесса. Провинция гордилась тем, что может их предоставить... Отца не расстреляли сразу. Ему повезло. И то, что в Воркуте он попал в *мастерскую*, тоже было для него величайшим везением. Как и любое предприятие при социализме, ГУЛАГ должен был выполнять план – не только по мертвецам, но еще по тоннам угля и стали. Если бы НКВД этот план не выполнил, лагерные начальники сами оказались бы в лагере. Будь отец только журналистом, он погиб бы в тундре от лишений, подобно множеству других заключенных; но в качестве опытного механика он оказался нужен в Воркуте.

Девять лет лагерей и десять с лишним лет ссылки не сломили моего отца. До конца жизни, несмотря на все пережитые ужасы, он не утратил глубокой убежденности в том, что, помимо заботы о своей выгоде, должно быть и нечто другое: порядочность. Для него порядочность никогда не была политической категорией, а всегда – внутренним человеческим качеством.

Историк Герман Вебер позвонил мне вскоре после «Поворота», удивленный тем, что у погибшего в лагере человека, оказывается, остались дети. Он сказал, что в своей работе опирался на устные рассказы тех, кто вернулся из лагерей. Как правило, сообщаемые ими сведения невозможно было проверить. Так и получилось, что он ошибочно отнес Лоренца

---

2 Герберт Рихард Венер (1906-1990) – немецкий политик, член КПГ и СДПГ; в 1966-1969 годах – федеральный министр внутригерманских отношений.

Лохтхофена к умершим. Как известно, в архивах русской службы безопасности все еще хранятся материалы о судьбах многих невинно пострадавших – в том числе моего отца и деда. Для просмотра эти материалы не выдаются.

Преемники убийц эпохи «большого террора» еще и сегодня *простирают спасительную руку*, оберегая покой своих духовных наставников.